
Раздел 2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Как известно, концептуальные основы, применяемые в процессе научного познания власти как одной из основных функций социальной организации общества, стояли в центре внимания государствоведов¹.

Это связано с тем, что концептуальные основы социальных явлений соответствуют этапам политического развития различных народов. Так, например, еще Гегель все народы делил на всемирно-исторические, с одной стороны, и ряд других народов – с другой. Америку он исключает из тех стран, которые до сих пор были ареной всемирной истории. В его доктрине за пределами истории оказываются Индия и Китай, а Африка “не является исторической частью света”, ибо Африка “находится на первобытной ступени развития духа и о ней здесь нужно было упомянуть, лишь говоря о пороге всемирной истории”. Гегель считал, что Сибирь “лежит за пределами истории”, поскольку Россия поздно вступила в ряд исторических государств. Тем не менее профессор И.А. Исаев вполне обоснованно указывает на то, что тысячелетняя история государства Российского (Древняя Русь – Московское государство – Российская империя – СССР – Россия) обладает смыслом, который не зависит от субъективных

¹ Маркс К. Государственная власть. // Т. 17; Ленин В.И. Три конституции или три порядка государственного устройства // ПСС. Т. 10; Степанов И.М. Советская государственная власть. М., 1970; Барташов А.М. Единство власти. Томск, 1970; Тененбаум О.В. Государство: система категорий. Саратов, 1971; Байтин М.И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972; Безуглов А.А. Суверенитет советского народа. М., 1975; Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982; Бутенко А.П. Власть народа посредством самого народа. М., 1988; Дмитриев Ю.А. Соотношение понятий политической и государственной власти // ГП, 1994. № 7; Маликов М.К. (Маликов М.Ф. – один и тот же автор) Введение в Конституционное право. Ч. I, II. Уфа, 1994; Чиркин В.Е. Переходное постсоциалистическое государство: содержание и форма // ГП, 1997. № 1.

оценок, симпатий и идеологий. По его мнению, Российская государственность во все века пыталась найти присущий только ей путь. Он считал, что «опыт государственных преобразований в России показывает, что борьба централистских и децентралистских тенденций в управлении, конфликт Центра и мест, принципов отраслевого и территориального управления и т.п. – все это непреходящие проблемы государственного регулирования, присутствующие во все периоды отечественной (и мировой) истории»².

Отсюда вполне объяснима и сегодняшняя трактовка концептуальных основ государственной власти и самоуправления с позиции демократизации власти, соединяющей интересы личности и общества³.

Как факт следует признать, что с момента образования Российской Федерации определение концептуальных основ федеральной власти осуществлялось в двух формах: во-первых, в функциональной компетенции законодательного регулирования (первоначально было согласно Федеративному договору); во-вторых, в прямом указании законодательного регулирования по ведению полномочий Федерации и ее субъектов. В этом суть конституционной единой концепции государственной власти и самоуправления, выражающей основу народовластия и суверенитета государства и формы их реализации, хотя такой подход не является единственно верным и всеобъемлющим, поскольку в литературе есть много других подходов⁴. Но в отмеченном схвачено основное свойство осуществления государственной власти от имени народа.

Попутно заметим, что в дискуссиях 1940 годов по поводу предмета и метода правового регулирования системы советского права отмечалось, что конституционное право есть обеспечение общественных отношений посредством организации власти, установления ее функций и деятельности⁵. Позднее признавалось, что конституционное (государственное) право в соответствии с волей народа закрепляет конституционные основы народовластия. Это означало, что конституционно определяется государственная форма народовластия в

² Исаев И.А. История России. Традиция государственности. М., 1995. С. 270.

³ Маликов М.К. Концепция государственной власти и самоуправления. С. 19–33.

⁴ Рыжов В.А. Система научных понятий в советской науке государственного права // СГП, 1973. № 5.

⁵ Советское государство и право, 1940. №№ 8, 9.

лице Советов; устанавливаются экономические, политические, правовые гарантии народовластия; определяются формы национальной государственности; устанавливаются принципы и нормы права⁶.

Отсюда надо полагать, что концептуальные основы государственной власти не могут быть разработаны без учета предмета конституционного права. Если под ним понимаются общественные отношения, составляющие основы полновластия народа, осуществления принадлежащей ему государственной власти, то концептуальные основы включают не все общественные отношения, а лишь те из них, которые возникают в связи с осуществлением государственной власти в формах представительного и непосредственного народовластия⁷.

Представляется также оправданным признание того, что в целом концептуальные основы государственной власти и самоуправления определяются исходя из конституционно-правовых и государственно-правовых отношений. Первые состоят из общественного строя (экономическая, политическая, социальная, правовая системы), механизма конституционного регулирования, правового статуса граждан, а вторые – из взаимоотношений государства и других субъектов Конституционного права.

Характерно то, что для всей совокупности государственно-правовых отношений приемлемы принципы, объекты, субъекты, методы Конституционного права, ибо последние являются социально-правовой ценностью общества и государства и признание их элементами концептуальных основ государственной власти и самоуправления объясняется тем, что ценность (аксиологический аспект) Конституционного права определяется его способностью отражать соответствующие общественные цели, например, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека на основе различных форм собственности и интересов личностей, групп, коллективов и общества в целом (п.1 ст.7, п.2 ст.8 Конституции РФ).

Представляется также вполне логичным определение концептуальных основ государственной власти с учетом воли законодателя (народа), ставшей государственной волей, отражающей социальные интересы в конституционном развитии. Оставление их без внимания, т.е.

интересов граждан и цели общества, вряд ли будет способствовать определению единой концепции государственной власти, так как несовпадение социальных целей с полученными результатами воздействия конституционных норм на общественные отношения свидетельствует о наличии в обществе скрытых, внутренних причин и законов, которым подчинены определенные факторы общественной жизни.

Следующим элементом концептуальных основ государственной власти и являются верховенство и единство государственной власти. Это обусловлено зависимостью государственной власти от единственно суверенной власти народа (ст. 3 п. 4, ст. 4 п. 1 Конституции РФ). Ее социальное назначение состоит в упорядочении общественных отношений в соответствии с интересами (преамбула Конституции РФ), волей (ст. 2 Конституции РФ) и целями (ст. 7 Конституции РФ) народа (ст. 3 Конституции РФ).

Обеспечение интересов народа признается “функцией функций” государственной власти. Иными словами, в каком бы плане оно не рассматривалось, всегда учитывается как государственное руководство обществом или управление общественными делами (ст. 3 п. п. 1, 2, 3 Конституции РФ). Основные направления деятельности государства (ст. 8 Конституции РФ) предопределяются этой фундаментальной функцией власти, как движущей силы всего механизма демократии (ст. 10 Конституции РФ).

Как отмечалось выше, при определении концептуальных основ государственной власти раньше исходили из государственно-правового единства народа, расширения представительной системы Советов, развития союзной государственности, единства государственно-го управления, общества, организации его вооруженных сил, законности, социалистического правосознания и политико-правовой идеологии⁸. На современном этапе концептуальные основы государственной власти сформулированы на государственной целостности федеративного устройства Российской Федерации, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ.

⁶ Маликов М.К. Указ. соч. С. 138-153.

⁷ Маликов М.Ф. Концепция государственной власти и самоуправления. Уфа, 1996. С. 16.

⁸ Советский народ — новая историческая общность. Становление и развитие. М., 1975. С. 52.

Здесь не будет излишним упоминание о том, что верховенство и единство государственной власти в определенном плане вытекают из верховенства Конституции, так как верховенство Конституции является признаком (свойством) Основного Закона, а не признаком государственной власти⁹. Верховенство Конституции выражается в особом принятии и изменении Конституции, в прямом (непосредственном) действии Конституции на все общественные отношения. Оно воплощает верховенство власти в плане суверенитета государства, верховенство права, верховенство закона, верховенство государственной власти, верховенство представительных органов¹⁰.

Следующим элементом концептуальных основ государственной власти и самоуправления является осуществление принадлежащей народу государственной власти. Оно понимается как: 1) непосредственное выражение народом его государственной воли и придание ей общеобязательного характера; 2) создание (например, посредством выборов) органов государственной власти, выражающих волю народа и придающих ей общеобязательный характер; 3) принятие (например, участие депутатов) органами государственной власти актов (например, по результатам наказов избирателей), выражающих волю народа; 4) образование органами государственной власти органов, исполняющих эти акты, руководство их деятельностью и контроль за ней; 5) принятие органами государственной власти мер, обеспечивающих исполнение изданных ими актов¹¹.

Отнесение осуществления принадлежащей народу государственной власти к элементам концептуальных основ государственной власти объясняется тем, что государственная воля в принципе является волей государственно организованного народа в целом и официально провозглашается от имени государства (суверенитет), во-первых, она имеет строго установленные государством формы выражения, определяющие степень юридической силы правовых актов, изданных различными его органами. Во-вторых, ее осу-

ществление обеспечивается в случае необходимости принудительной силой государственного механизма¹².

Как видно, общим объектом концептуальных основ государственной власти и самоуправления могут быть: народовластие, суверенитет народа, государственная воля, институт конституционных основ государственной власти. Видимо, задача состоит в том, чтобы понять внутреннее содержание конституционных основ народовластия и форму их закрепления в Основном Законе государства.

В этой связи следует отметить, что в истории политической мысли было предпринято огромное количество попыток объяснить, что такое государство. Многие теории, например, органические, исходившие из аналогии с человеческим организмом, с колониями пчел и муравьев, или патриархальные теории (государство – разросшаяся семья) уже давно не пользуются влиянием. В современной научной литературе можно выделить несколько подходов к понятию государства: теологический (широко используется в мусульманских учениях в связи с концепцией халифата); классический (государство как совокупность трех слагаемых – власти, территории, населения); юридический (государство – юридическая персонификация нации); социологический (представлен наибольшим количеством школ, в том числе марксистским направлением в государствоведении); кибернетический (государство как особая система в связи с потоками информации, прямыми и обратными связями).

По мнению Ю.А. Тихомирова, критериями различения концептуальных основ государств могут быть выделены: 1) по функциональной роли государства – управляющие, организующие, регулирующие, подавляющие; 2) по форме государства и форме правления, по устройству государственной власти; 3) по способу политического участия граждан – тоталитарные, авторитарные, либерально-демократические, реакционные, самоуправленческие; 4) по степени правового опосредования – внеправовые, квазиправовые, переходно-правовые, правовые¹³.

Концептуальные основы государственной власти включают также концепцию государства “легализованного насилия”, принадле-

⁹ Демидов А.И. Власть в единстве и многообразии ее измерений // ГП, 1995. № 11; Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // ГП, 1995. № 8.

¹⁰ Маликов М.Ф. Конституционное законодательство Республики Башкортостан: выводы предложения по результатам мониторинга. С. 93.

¹¹ Маликов М.Ф. Основы конституционного права Российской Федерации. С. 16-34.

¹² Маликов М.К. Концепция государственной власти и самоуправления. С. 14.

¹³ Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право, 1997. № 2. С. 27.

жащей немецкому исследователю М. Веберу (1864-1920 гг.). Проблематика государства как машины насилия, государства-диктатуры широко разрабатывалась в отечественной литературе, хотя и без должного акцента на легальность. Это была одна из главных тем государствоведческих исследований. Здесь нет необходимости подробно говорить об этом наборе качеств государства — он хорошо известен, в том числе из практики сталинизма.

По мнению В.А. Четвернина, концептуальную основу демократического конституционного государства составляют две тесно соотносимые концепции: во-первых, понятие государства как правовой организации публичной политической власти; во-вторых, концепция индустриального и постиндустриального общества, в котором имеются сферы саморегулирующегося гражданского общества и реализуются отношения свободного социального обмена¹⁴. Действительно, важна институциональная форма современной государственности в развитии индустриальном и постиндустриальном обществе. Поэтому автор различает государственность и тоталитаризм. Сущность происходящих в современной России событий он объясняет не как процесс перехода от “тоталитарной государственности” к демократической и конституционной, а как строительство реальной государственности.

С этой точки зрения Российское демократическое конституционное государство (в смысле конституционного закрепления и практической реализации модели правовой государственности) будет иметь ряд особенностей в своей организации и деятельности на уровне национальной специфики, гражданского общества, конституционных институтов с учетом: 1) российского варианта социализированного капитализма (социальность государства как рыночного хозяйства); 2) среднего класса, служащего социальной основой государства и обладающего общественной властью; 3) свободного предпринимательства в экономике; 4) социального правового государства; 5) Конституционной юрисдикции (как государство “государство судей”); 6) права этнонаций на политическое самоопределение.

По этому поводу Э.В. Таведосян пишет: “Демократическая национальная государственность — это национальная (этническая) государственность; это государственность не только той нации или народности, которая дана для данной республики или автономии, но и

всех других национальностей, проживающих на ее территории; это часть многонационального народа”¹⁵. Автор не разделяет утверждение о создании Русского национального государства. Он считает целесообразным определить национальное в государственности народов России с учетом: а) построения государственности на базе этнической территории; б) обеспечения представительства данного народа в органах государственной власти и управления; в) закрепления его родного языка в качестве государственного языка; г) применения федеральных законов с учетом национальных особенностей.

В.Е. Чиркин, разделяя такой подход¹⁶ к числу социальных основ государственной власти, относит такие крупные силы, как: 1) прежняя центральная номенклатура, во многом изменившая себя; 2) слой чиновничества, наделенный произвольными полномочиями (например, только в 1992-1993 гг., вице-премьеры и министры России 234 раза незаконно представляли льготы различным коммерческим организациям); 3) “новая буржуазия”, в том числе из среды мафиозных группировок; 4) региональная старая и новая номенклатура, умеющая вырвать себе привилегии у центральной власти.

По мнению В.Е. Чиркина, ученые-государствоведы недооценивали, а нередко просто игнорировали богатое наследие прошлого, научный поиск зарубежных коллег, выпячивая, в частности, роль государства как “машины угнетения” в капиталистическом обществе или, напротив, его хозяйственно-организаторскую деятельность в условиях тоталитарного социализма. Многие стороны государства как организации рассматривались схематично и упрощенно, акцент делался, прежде всего, на его политическом характере. Впрочем, сама идея единства государственной власти не требовала внимания к вопросам разделения и взаимодействия ветвей власти¹⁷.

Как видно, не все из этих подходов, школ, направлений сосредоточивали внимание на сущности государства как особого явления, на сущности, понимаемой в философском плане. Одни из них анализировали в основном условия существования государства (например,

¹⁵ Таведосян Э.В. Российский федерализм и современный национально-государственный нигилизм // Государство и право, 1996. № 10. С. 9.

¹⁶ Чиркин В.Е. Переходное постсоциалистическое государство: содержание и форма // Государство и право, 1997. № 1. С. 8.

¹⁷ Чиркин В.Е. Элементы сравнительного государствоведения. С.7.

¹⁴ Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство. М., 1996. С. 86.

классический подход), другие – формы – полагаемые идеальными (мусульманские фундаменталистские учения), третьи – рациональные структуры его организации (теория разделения властей) и т.д.¹⁸

Действительно, было бы ошибкой зачеркнуть все то, что внесено в государство марксистским направлением. Так, сформулированные Ф. Энгельсом признаки государственности на основе сопоставления государства с родовым строем раскрыли многие существенные стороны государственной организации. Марксистские исследования исторических типов государства, различных его форм, в том числе переходных, различных органов государственной власти, методов деятельности государства, даже если те или иные выводы оказались сомнительными или вовсе ошибочными, стимулировали научный спор и тем самым в какой-то мере способствовали поиску истины. Тем более что некоторые положения марксистского государственоведения, хотя и своеобразно, вошли в научный арсенал многих ученых Запада.

Признаки государства как организации неоднократно выделялись в работах В.И. Ленина. Широко использовались в марксистской литературе и определения типа “государство – это машина угнетения”, “аппарат”, “дубина” в руках одного класса против другого. Исследовались также некоторые отличия этой организации, скажем, от родового строя, но основное внимание уделялось все-таки ее классовой характеристике. Между тем этой организации имманентно присущи качества, которые вытекают из ее универсального для данного общества (очерченного государственными границами) характера. В эту организацию входят все находящиеся на данной территории лица, независимо от того, желают ли не желают они этого: граждане, лица без гражданства, с двойным (множественным) гражданством, иностранцы. Они выплачивают на содержание этой организации не добровольные (как во многих партиях), а обязательные взносы (налоги), освободиться от которых они не могут, даже если покинут территорию страны (например, продолжая иметь собственность в ней). Проживающие на территории страны лица распределены государством по административно-территориальным единицам и подчинены их органам.

¹⁸ Маликов М.Ф., Хабибуллин А.Г., Рахимов А.Р. Проблемы типологии государственности на современном этапе. Уфа-Стерлитамак, 1998. С. 18-26.

В современной социальной асимметричности тоже усматриваются концептуальные основы государственной власти исходя из того, что государство – это уникальная организация общества в целом. Правда, в некоторых странах Тропической Африки были предприняты попытки создать еще более универсальную организацию, чем государство. Гвинейская Народная Революционная Республика при режиме Секу Туре была провозглашена партией – государством, что нашло закрепление в Конституции 1982 г. Согласно концепции, отождествляющей государство с партией, были созданы слитные партийно-государственные структуры на всех уровнях административно-территориального деления. Аналогичный порядок был установлен в Республике Заир в условиях тоталитарной системы, немного смягченной лишь в 90-х годах. Согласно конституции этой страны (их было принято несколько), в обществе существовал единственный политический институт – Народное движение революции. Все жители страны автоматически считались его членами, а парламент, правительство, суды – его органами. Однако и в этом случае создать более уникальную организацию, чем государство, не удалось: партия-государство осталась верхушечным объединением правящей номенклатуры, а крестьянское население страны даже и не знало нередко о своем членстве в “партии”. Это была не столько универсальная, сколько тотальная организация.

При рассмотрении концептуальных основ государственной власти мы не можем игнорировать концепцию “арбитражного государства”. Правда, на это его качество в отечественной специальной литературе обращалось меньше всего внимания, хотя в трудах Энгельса и Ленина есть положения об особой, по существу арбитражной (это слово не употреблялось) роли государства, которое, возникнув на базе классовых антагонизмов, призвано обеспечить такой порядок, при котором классы “не пожрали” бы друг друга и общество в бесплодной борьбе. Они говорили не о примиряющей, а об умеряющей эту борьбу роли государства. Эти замечания были высказаны попутно, дальше не развивались, да и речь при этом шла только о роли государства в связи с классовой борьбой. В советской литературе, исходившей из принципиальной оценки роли государства как органа господства одного класса над другим (другими), концепция государства-арбитра в обществе отрицалась. Не изменило такого отношения и провозглашение социалистического государства общенародным.

Данная концепция, активно разрабатываемая западной наукой, по-прежнему подвергалась критике, в том числе и В.Е. Чиркиным, хотя появились уже и ее ответвления, например положение об институте президента-арбитра над другими государственными институтами, четко отраженное в нормах конституций некоторых стран (в Конституции Франции 1958 г.).

Роль государства-арбитра связывается в западной литературе с асимметричной структурой общества, различные группы которого (социальные, возрастные, профессиональные), а также личности всегда имеют собственные интересы. В общественном производстве и разделении труда, а также в общественном распределении и обмене положении каждой заинтересованной группы (каждой личности) таково, что она склонна отступать от требований социальной справедливости и имеет повышенные притязания на долю общественного продукта, не соответствующего ее вкладу в материальное производство и возможностям общества удовлетворить эти притязания. Отсюда возникает общественная необходимость и общая заинтересованность личностей и групп в беспристрастном арбитре, который бы распределял (или наблюдал с правом вмешательства) общественные ценности, понимаемые в широком смысле: богатство, образование, здравоохранение и т.д.

Однако, во-первых, в реальной жизни заинтересованные группы стремятся иметь не беспристрастного, а, напротив, пристрастного (т.е. удовлетворяющего их интересы) арбитра. Во-вторых, поскольку государство, которое по своей природе занимается “общими делами”, приобретает функции арбитража, в обществе возникает вторая линия отношений – соревнование, борьба между определенными группами за влияние на государственную власть. В данном случае не обходится без компромиссов в достижении консенсуса противоборствующих сторон, что влияет на содержание арбитража государства, но в целом сторона, оказывающая наибольшее воздействие на государственную власть, получает и наибольшие в пропорциональном отношении социальные (общественные) блага, распределяемые государством.

При этом не следует такое распределение понимать слишком узко, например как дотации из государственного бюджета. Речь идет об условиях самого общественного положения, благоприятных или неблагоприятных факторах жизнедеятельности личностей и общественных групп.

Для того чтобы смягчить непропорциональность распределения общественных благ, законодательство государства предусматривает определенные гарантии для одних и ограничения для других как общего, так и частного порядка (например, пособие по безработице или запрещение чиновникам в официальной деятельности подчиняться директивам своей партии). Но абсолютных гарантий корректности государственного арбитража нет и при ограниченных ресурсах общества (а они всегда ограничены), при разной силе заинтересованных групп (а она всегда неодинакова) быть не может. Однако в нормальных условиях социально-правового, демократического государства арбитражная функция в большем или меньшем объеме осуществляется и этому способствует деятельность органов государства: парламента, представляющего различные группы населения, конституционного суда и др.

В случае особо острой борьбы противоборствующих сил социальный арбитраж государства может приобретать специфические формы, а именно: введение чрезвычайного положения, роспуск дестабилизирующих общественный порядок организаций и объединений, запрещение некоторых печатных изданий, митингов, демонстраций и т.д. Если эти действия совершаются на основе закона и в соответствии с ним, то они не выходят за рамки осуществления социального арбитража государства. Важно, однако, чтобы эти меры были не только законными, но и легитимными в глазах населения.

Наконец, подчеркнем еще одну сторону арбитражной роли государства. Последняя представляет интересы прежде всего (хотя не только) экономически и политически могущественных слоев населения, тех, кто оказывает наиболее организованное давление, воздействие на государственную власть, даже если это будет так называемый средний класс, что действительно имеет место в некоторых государствах. В США, например, считается, что к “среднему классу” относятся 70 процентов белых и 20 процентов афроамериканцев, имеющих доход 35 тысяч долларов в год (средний статистический доход приблизительно 20 тысяч долларов). Степень “классовости” государства и качества арбитра, их соотношение в различных государствах, на разных этапах развития одного и того же государства неодинаковы, но эти две стороны присутствуют всегда. Положения о единстве “классовости” и социального арбитража государства представляют-

ся противоречивыми и даже взаимоисключающими. Но такова реальная диалектика действительности¹⁹.

Следует подчеркнуть, что в отечественной литературе до последнего времени практически не обсуждались проблемы правового государства (в том числе принципиальные основы и ограниченность принуждения), а сама идея правового государства подвергалась критике, о чем отмечалось выше. Во-первых, постановки вопроса о связанности государства правом, которое само творится, как считалось, государством, старались избегать. Лишь с разработкой идей об общечеловеческих ценностях, способных ограничивать государство в его действиях, с разработкой проблем широкого понимания права, не сводимого к нормам, идея о государстве как легализованном принуждении стала чаще звучать в научных спорах. Во-вторых, легализация принуждения не снимает вопроса о его легитимности, т.е. признании его народом законным и обоснованным. Право — лишь один из способов легитимации принуждения, причем иногда легитимация осуществляется и вопреки правовым нормам. Наиболее яркий пример — социальные нормы поведения, складывающиеся в ходе народных революций. Так, разрыв североамериканских колоний с метрополией и их отделение от Великобритании в XVIII в. были легитимированы сложившейся в американском обществе (но не в метрополии) социальной нормой, провозгласившей право народа на сопротивление угнетению. Через полтора десятилетия она вошла в преамбулу Конституции США 1787 г.

В плане концептуальных основ государственной власти следует выделить вопрос и о легитимности власти.

Дело в том, что существует множество различных форм легитимации (референдум, поддержка действиями и т.д.), причем самое сложное в оценке социальных норм и способов легитимации — разграничение их общенародного (общечеловеческого) и социально ограниченного характера, если легитимация осуществляется в интересах сил, олицетворяющих общественный прогресс. Конечно, критерий общечеловеческих ценностей может быть использован в данном случае в качестве глобального подхода. Но это слишком общий критерий. Он требует конкретизации и уточнения, которые в государ-

ствоведении пока не найдены. Небезразличны и пути, методы реализации этих ценностей: насильственное “осчастливливание” человечества уже породило неисчислимое множество страданий²⁰.

Легитимация государственной власти, соответственно, и государственного принуждения, может быть подтверждена данными общественного мнения, проведением репрезентативных опросов, плебисцитов, голосований, общегосударственных и местных обсуждений. Однако принципиально важно установить, насколько государственное принуждение (его меры, относящиеся к обществу в целом или к определенным группам) соответствует интересам общества (причем не только его большинства, но и целям охраны прав меньшинства), сочетается с общечеловеческими ценностями. К тому же методы индикации легитимности государственного принуждения требуют осторожной оценки. Известно, например, что референдумами “освящались” гитлеровские захваты чужих территорий. Не бесспорны и опросы общественного мнения, где имеется широкий простор для профессиональных подтасовок, которые порой трудно выявить, да и результаты их нередко оказывались противоположными происшедшему. Легитимация такими общественными действиями, как выборы также требует тщательного анализа. Например, в Гане, Гвинее, Бенине и некоторых других странах население оказывало неоспоримую поддержку существующим режимам путем голосования (иногда данные выборов свидетельствовали о превышении 90 % голосов “за”) и действиями в борьбе против попыток иноземного вмешательства, но тот же народ оставался фактически безучастным при военных переворотах, свергавших эти режимы, или же народ проявляет активность в определении социальных ценностей (например, Ирак, Египет, Ливия).

Как видим, в зависимости от той или иной концепции государственной власти можно определить государство с позиции легализованного насилия, диктатуры одного класса (или отдельных групп), приоритетов права (правовое государство), социальных оснований (социальное государство). Сюда примыкают также концепции: “национальная государственность”, “демократическое конституционное государство”, “постсоциалистическое государство” и др.

¹⁹ В Российской Федерации поставлена задача формирования семнадцатипроцентного среднего класса с привлечением предпринимателей.

²⁰ Сокуров А. Облегчение ожесточения // <http://www.aif.ru/culture/article/45038>

Уместно подчеркнуть, что в связи с поиском альтернативы современной постиндустриальной системы возникают дальнейшие модели развития общества. Тем более, что убыстряется гонка технологических революций, коррупция усиливает социальную поляризацию общества, падает легитимность политической власти и интерес к политике вообще. Роль национальных государств подрывается с двух сторон. С одной стороны – часть функций национальных органов власти переходит к международным наднациональным организациям. Из рук государства уходят регулирование прав человека, экологическая политика, финансовая регламентация. С другой – все больше государственных обязанностей берут на себя мелкие образования: коммуны, муниципалитеты и прочее, т.е. происходит децентрализация власти²¹.

Результаты сравнительного анализа отечественного и зарубежного опыта функционирования двухуровневых парламентских систем и в целом федеративного государственного строительства позволяют утверждать, что «слепое» копирование мировых двухуровневых парламентских моделей, порой чуждых российским традициям, культуре и менталитету, нанесут существенный ущерб укреплению российской государственности и развитию законодательных баз центра и регионов²². История свидетельствует о том, что до тех пор, пока не выработан механизм ответственности Федерации и ее составных частей по предметам ведения и полномочий, проблема двухуровневого правового регулирования не будет решена. Это может привести к прекращению существования Федерации по типу бывших социалистических федеративных государств²³.

Несмотря на множество публикаций, в которых рассматриваются проблемы политического устройства и тенденций дальнейшего развития правового регулирования в Российской Федерации, ее от-

дельных регионов, федерализма и федеративного устройства государства, мировых моделей парламентаризма и законотворческого процесса, проблема взаимного влияния политики и законотворчества в федеративном государстве исследована фрагментарно, что обуславливает актуальность темы²⁴.

Тем более, что, по определению В.В. Путина, необходимо высказать свою позицию по ряду вопросов, которые кажутся важными для широкого обсуждения. С какими рисками и задачами России придется столкнуться. Какое место мы должны занять в глобальной политике и экономике²⁵.

Соответственно, при этом учитываем модель, ориентированная на строгую фиксацию разделения власти между федерацией и ее субъектами, в прошлом и в настоящем. Только два способа размежевания власти – когда права поделены между федерацией и ее субъектами в виде фиксированного перечня либо в виде закрепления определенного круга вопросов за одной из сторон и предоставления другой всех остальных полномочий – оказались недостаточными.

По признаку вертикального федерализма, правового режима разделения государственной власти выделяются два типа федерализма: делегированный и децентрализованный федерализм.

При первом типе осуществляется делегирование основных составляющих системы разделения государственной власти снизу вверх, когда объединяющиеся суверенные государства управомочивают создаваемую ими центральную власть на осуществление определенного объема власти. Характерный способ для второго типа — децентрализация, то есть определение системы государственной власти сверху вниз на основе обращения либо с учетом мнений территорий, которым передается определенный объем государственной власти.

²¹ Шевченко Л.Е. Мировой процесс формирования глобального общества. Уфа, 1998. С. 45.

²² Аюпов М.А. К проблеме взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации в освещении межэтнических отношений // Взаимодействие центра и регионов в практике государственного строительства. Уфа, 2003. С. 9-14.

²³ Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. М., 2004. С. 12, 38, 117, 121.

²⁴ Маликов М.Ф., Минеев Е.М. Механизм согласования федерального и регионального законодательства. Ч. 4. Двухуровневое правовое регулирование в Российской Федерации: теоретико-методологические основы. Уфа: Гилем, 2010. С. 11.

²⁵ Путин В.В. Россия сосредотачивается - вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 17 января 2012 г.